

УДК 94

Политические симпатии против аполитичности: мотивы стачечной активности рабочих г. Москвы в 1905–1914 гг.

Тихонов Иван Павлович, Российский государственный гуманитарный университет, artemss1888@mail.ru

Статья посвящена отражению политических настроений московских рабочих в стачечном движении 1905–1914 гг. Автор стремится выявить взаимосвязь забастовок с политическими предпочтениями рабочих. В качестве источников использованы материалы Департамента полиции по Москве и Московской губернии, а также частично по Санкт-Петербургу. На обширном фактическом материале исследуется специфика стачечного движения в Москве и Московской губернии, степень его политизированности, а также характер политических требований забастовщиков. Автор приходит к выводу, что политическая деятельность различных партий слабо влияла на характер забастовок в пролетарской среде, которая, скорее, перенимала тактику стачечной борьбы, нежели политические программы партий.

Ключевые слова: рабочее движение, забастовка, стачка, политические настроения, социал-демократы.

В советской исследовательской литературе традиционно подчеркивалось, что рост стачечной активности рабочих служит свидетельством повышения их самосознания. Из этого делался вывод, что стачечное движение является следствием поддержки рабочими революционных партий, в первую очередь — их революционных методов, где решающую роль играла партия РСДРП как единственная сплачивающая сила в борьбе с социальным неравенством, порожденным капитализмом. Таким образом, стачечное движение рассматривалось как своеобразный маркер революционности [1, с. 165–167, 196]. Существуют основания полагать, что ситуация складывалась несколько иначе, и стачечное движение не всегда являлось следствием оппозиционных настроений в рабочей среде.

В историографии, посвященной рабочему вопросу, по-прежнему сохраняется методологическая проблема, связанная с идентификацией забастовок. Классическое их деление на политические и экономические подвергается критике, поскольку отсутствует четкий принцип разграничения. При попытке определить тип забастовки исследователи часто обращаются к перечню требований стачечников. Этот подход достаточно надежен, однако во многом ограничен, т. к. на ряде митингов требования вовсе не озвучивались [2, л. 3].

Это особенно характерно для стачек, проводимых в памятные и символические даты. Ярким примером являются первомайские демонстрации, проходившие в форме общегородских стачек и зачастую без выдвижения претензий к работодателям или властям [3, л. 30]. Аналогичным образом проходили стачки в годовщину смерти Л. Н. Толстого, образ которого активно использовался в революционной и либеральной публицистике как символ оппозиции царской власти, а также забастовки, приуроченные к смерти основателя и лидера германской социал-демократии Ф. А. Бебеля [4, л. 16; 5, л. 8об., 25].

Перечисленные примеры объединяют черты как политического, так и экономического характера. Поэтому при оценке политических настроений в контексте стачечного движения целесообразно учитывать степень соответствия конкретного выступления идеологическим и программным принципам той или иной партии. Однако наличие политических требований и их совпадение с тезисами партийных программ не всегда означают, что рабочие разделяли позицию данной партии. В связи с этим представляется оправданным рассматривать рабочих, участвовавших в забастовках, как самостоятельную политическую силу и анализировать, на какие социально-политические процессы они реагировали усилением стачечной активности.

Отчеты Министерства внутренних дел по Москве и Московской

губернии за 1906–1914 гг. свидетельствуют, что подавляющее большинство стачек касалось исключительно условий труда. В целом рабочие не проявляли значительного интереса к политической жизни страны, хотя у некоторых из них отмечались симпатии к отдельным партиям. После подавления Декабрьского вооруженного восстания, открытия I Государственной Думы и массовых уступок со стороны предпринимателей стачечная активность заметно снизилась, а борьба рабочих в значительной степени перешла в легальную плоскость [4, л. 16; 6, л. 23–24об., 29об., 30].

С 1905 г. в России активно создавались политические партии, началась подготовка к выборам в Государственную Думу, в том числе от рабочей курии [7]. Эти процессы отразились на социальном составе московских партийных организаций, включая те, которые формально провозглашали межсословный принцип, но по факту имели преимущественно рабочий состав. Так, в 1907 г. в большевистской фракции РСДРП числилось около 9 тыс. рабочих, а в меньшевистской — около 2 тыс. [8, с. 52; 9, с. 14]. Следом шла партия социалистов-революционеров, где численность рабочих превышала 3 тыс. человек [8, с. 51–52]. В остальных партиях их количество было незначительным [10, с. 623]. В 1902 г. число рабочих Москвы превышало 100 тыс. человек [11, с. 49].

Эти данные следует рассматривать как приблизительные, поскольку в поле зрения полиции и Охранного отделения попадали не все партийные ячейки. Многие из них действовали нелегально и тщательно скрывали свою деятельность. Кроме того, нередко рабочие числились членами партии лишь формально, а их мотивы вступления отличались от идеологических [12, л. 134, 136–137об.]. Даже если опустить источниковедческие трудности, важно отметить, что количественные методы при исследовании политических настроений имеют ограниченное применение: беспартийность не всегда свидетельствует об аполитичности. Эти сведения позволяют определить соотношение сил.

Во время выборов в I–IV Государственные думы по рабочей курии в Москве и Московской губернии в уполномоченные и выборщики нередко проходили представители революционных партий либо формально беспартийные лица, симпатизировавшие отдельным революционным идеям [10, с. 365; 13, с. 1–4, 98–99; 14, с. 3]. Большинство профсоюзов на начало 1906 года находилось под контролем социал-демократов, хотя существовало и немало беспартийных объединений. Профсоюзы охватывали сравнительно небольшое количество предприятий, и членами их состояли далеко не все рабочие [10, с. 617]. Из этого следует, что победу в политической борьбе среди московских рабочих часто одерживали сторонники РСДРП. Однако это вовсе не означает, что большин-

ство рабочих разделяло программу и тактику революционных партий. В связи с этим представляется необходимым рассматривать политические настроения через призму стачечной активности.

Московские рабочие сохраняли более тесные связи с деревней, что, несомненно, оказывало влияние на характер их выступлений. Они приносили в город элементы деревенской традиции и в меньшей степени поддавались революционной пропаганде [15, с. 313]. Особенно отчетливо это проявлялось в религиозных вопросах. Забастовки редко начинались в дни церковных праздников. Так, не увенчалась успехом попытка революционно настроенных активистов организовать стачку в 1914 г. в годовщину расстрела рабочих на Ленских золотых приисках, тогда как в другие дни массовые протесты были обычным явлением [16, л. 19–20; 17, л. 99об.; 2, л. 10].

Отчасти подобная ситуация объяснялась прагматизмом рабочих: на церковные праздники многим предоставлялся выходной. Хотя это было не у всех, такие дни рассматривались как редкая возможность отдохнуть, ведь до 1917 г. официально других выходных не существовало [18]. Кроме того, во многих петициях содержались просьбы запретить работы именно в праздничные дни. Так, рабочие фарфоровой фабрики Кузнецова просили не привлекать их к труду в дни почитания апостола Иоанна [19, л. 124].

Пролетариат не представлял собой социально и политически однородную массу. Примеры обращений и петиций свидетельствуют о сохранении религиозных традиций в рабочей среде, хотя распространение социалистических идей, противопоставлявших себя религиозному мировоззрению, происходило стремительно. В епархиальных отчетах с тревогой отмечался рост равнодушия к вопросам веры [20].

После 1905 г. среди московских рабочих начало проявляться заметное безразличие к фигуре императора и институтам верховной власти. Показательным примером является отчет Московского охранного отделения: накануне приезда Николая II в конце мая 1912 г. рабочие ряда фабрик и заводов договорились начать забастовку. Однако, когда императорская чета прибыла в город, массовых выступлений не произошло. Работодатели объявили выходной, большинство рабочих предпочло провести день спокойно, а многие отправились «смотреть царя». Донесения отмечали отсутствие проявлений восторга, которые ранее нередко сопровождали царские визиты [21, л. 145, 150].

Не наблюдалось и открытой враждебности по отношению к императорской семье. Недовольство выражалось лишь в скрытой форме. Любопытно, что незадолго до этого события в Москве прошел ряд митингов и забастовок, вызванных расстрелом рабочих на Ленских золотых приисках, где звучали призывы к свержению самодержавия [3, л. 12–18]. Это подтверждает неоднородность рабочего класса: среди рабочих были и убежденные сторонники монархии, и ее противники.

Следует учитывать, что состав и численность рабочих постоянно менялись, особенно после массовых увольнений, вызванных участием в забастовках. Полиция нередко высылала наиболее активных участников беспорядков без права возвращения на прежнее место работы [22, л. 1–3об.]. В результате менялась и степень радикализации рабочих. Благодаря этим мерам власти часто предотвращали крупные беспорядки, т. к. основная масса рабочих сохраняла равнодушие и не стремилась к открытому противостоянию [22, л. 21об.].

При анализе стачечного движения в Москве бросается в глаза повторяемость забастовок на одних и тех же предприятиях, несмотря на репрессии и увольнения. Особенно часто бастовали служащие городского трамвая, водопровода, типографий, булочных и

других предприятий. Общим для этих случаев было присутствие агитаторов, связанных с РСДРП [3, л. 25; 19, л. 109; 22, л. 1–3об., 37; 23, л. 11–17]. Это дает основания полагать, что значительная часть забастовок происходила под влиянием местных партийных ячеек леворадикальных партий. На ряде предприятий стачки носили спонтанный и плохо организованный характер.

Большинство забастовок представляло собой протест против администрации предприятий, а не против государственной власти. Случаи, когда рабочие выступали против действий властей, были редкостью. Характерным примером служит письмо от 18 июля 1912 г. слесарей мастерских Московско-Казанской железной дороги к московскому градоначальнику. В нем содержалась просьба повлиять на мастеров, произвольно снижавших расценки, что привело к сокращению заработной платы почти вдвое по сравнению с 1905 г. [3, л. 54].

Этот документ отражает стремление коллектива действовать в рамках закона и уважительное отношение к существующему порядку, при одновременном осознании остроты положения. За три месяца до написания этого письма мастерские участвовали в волнениях, связанных с Ленскими событиями. Из 1100 работников около 800 приняли участие в стачке, большинство из которых просто покинуло рабочие места. 120 человек пришлось разогнать полицейскому наряду, т. к. они начали петь революционные песни, в то время как 300 остались работать, и насилия в их отношении не применялось [3, л. 15].

Нет оснований утверждать, что большинство стачечников являлось членами революционных партий, как и нет доказательств того, что оставшиеся рабочие были убежденными сторонниками самодержавия. Преобладала политическая индифферентность: участие в стачках было формой выражения недовольства действиями администрации, а не государственного протеста. Забастовки на заводах и в мастерских происходили редко и носили локальный характер.

Сходная ситуация наблюдалась на Коломенском вагоностроительном заводе, где традиционно поднимали тост за здоровье императора, приглашая представителей полиции, и при этом устраивали политические стачки [19, л. 148–155]. Подобное переплетение консервативных и революционных настроений отмечалось и на других предприятиях. Именно поэтому власти Москвы ограничивали деятельность монархических боевых дружин: многие рабочие легко меняли политические взгляды под влиянием агитации [12, л. 133–137об., 501].

В 1914 г. вступление России в Первую мировую войну вызвало волну враждебных настроений по отношению к представителям Германии и Австро-Венгрии, на фоне которых в Москве и Московской губернии произошли выступления рабочих [2, л. 41–43; 24, с. 179–184]. Усиление недовольства объяснялось тем, что администрация некоторых предприятий имела иностранное происхождение, что вызывало подозрения и усиливало социальное напряжение. Эти события показывают, что забастовка служила формой выражения протеста, в которой экономические, политические и эмоциональные мотивы переплетались.

Московские рабочие сохраняли тесную связь с деревней, что отражалось на масштабах и характере стачек. Так, в связи с Ленскими событиями в Санкт-Петербурге одновременно бастовало до 140 тыс. человек — около 85 % всех рабочих. В Москве число участников забастовок было примерно в десять раз меньше, хотя разрыв в общей численности рабочих между городами был менее чем двукратным [25, с. 63]. С 24 по 27 апреля 1912 г. в Москве бастовало около 50 тысяч человек, однако эта цифра могла быть за-

вышена, т. к. в отчеты нередко включались рабочие, продолжавшие забастовку несколько дней подряд [3, л. 12–18].

Аналогичные соотношения наблюдались и в последующие годы [2, л. 24–29]. Например, 9 января 1914 г. в Москве бастовало лишь 8,5 тыс. рабочих, тогда как в Санкт-Петербурге — более 110 тыс. [2, л. 2; 26, л. 19]. При этом в Москве не менее 70 % рабочих не участвовало в стачках, а выступления носили разрозненный и стихийный характер. В столице же забастовки часто сопровождались лозунгами и столкновениями с полицией [26].

Таким образом, московские рабочие отличались более низким уровнем организованности и политической вовлеченности. При этом фактор информированности играл значительную роль: к 1913 г. революционное подполье в Москве находилось в состоянии дезорганизации, хотя стачечная активность полностью не прекращалась. За июль–октябрь 1913 г., важнейшей причиной забастовок назывались публикации в легальной прессе, тогда как ранее ведущую роль играла непосредственная агитация [5, л. 33–33об.].

Можно заключить, что уровень политизации московских рабочих в 1907–1914 гг. оставался сравнительно низким. Так, после ареста 21 депутата Государственной Думы от фракции РСДРП и трудовиков в апреле 1914 г. в Санкт-Петербурге бастовало 38,5 тыс. рабочих, а в Москве протесты практически отсутствовали [2; 26, л. 229]. Незначительными были и забастовки по случаю «дня рабочей печати» [2, л. 12], а также в связи с роспуском второй

Государственной Думы в июне 1907 г. В 1906 г. в Москве бастовало до 80 тыс. рабочих [27, с. 541]. Следует учитывать, что часть рабочих вовлекалась в стачки принудительно [19, л. 42, 119; 5, л. 25].

Показательным свидетельством общественных настроений можно считать упомянутое письмо слесарей Московско-Казанской железной дороги. Его лояльный тон демонстрирует усталость рабочих от революционной борьбы и восприятие стачки как вынужденной меры [3, л. 54; 22, л. 21об.].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что подавляющее большинство московских рабочих начала XX в. не проявляло активного интереса к политическим преобразованиям. Наиболее массовые забастовки 1907–1914 гг. возникали как реакция на конкретные репрессивные меры властей, а не как проявление идеологической борьбы. Главной причиной стачек оставались тяжелые условия труда.

Рабочие в большинстве своем преследовали узкие экономические и профессиональные цели, не ставя под сомнение основы государственного устройства. Стачечное движение представляло собой сложный и противоречивый феномен, в котором сочетались элементы протеста и конформизма, радикализма и религиозно-консервативных представлений. При этом наблюдалась тенденция к постепенному проникновению социалистических идей и ослаблению сакрального отношения к власти, что в совокупности с другими процессами подготовило почву для роста политической индифферентности в рабочей среде.

Примечания

1. Покровский М. Н. Избранные сочинения: в 4 т. М., 1967. Т. 4.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 123. Ед. хр. 42. Ч. 2.
3. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. Ед. хр. 42. Ч. 2.
4. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 120. Ед. хр. 42. Ч. 2.
5. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 122. Ед. хр. 42. Ч. 7.
6. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 253. Ед. хр. 6.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXV. Отд. 1. СПб., 1908. Ст. 27029. С. 877–882.
8. Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997.
9. Гаврилов А. Ю. Меньшевики Москвы в Первой российской революции 1905–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.
10. Белов А. М. Политические партии и рабочие Центрального промышленного района в революции 1905–1907 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Кострома, 1997.
11. Вальдин А. С. Социально-политическая борьба накануне и во время Декабрьского (1905 г.) вооруженного восстания в Москве: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
12. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Ед. хр. 999. Ч. 39. Т. 2.
13. Первая Государственная дума. М., 1906.
14. Выборы в Государственную думу // Голос Москвы. 1907. N 17.
15. Ленин В. И. Кровавые дни в Москве // Полное собрание сочинений: в 55 т. М., 1960. Т. 11.
16. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123. Ед. хр. 61. Ч. 3.
17. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123. Ед. хр. 61. Ч. 2.
18. Медведев Ю. В., Притченко Е. Г. О продолжительности рабочего времени на предприятиях фабрично-заводской промышленности в Российской империи // Образование и право. 2018. N 4.
19. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 116. Ед. хр. 42. Ч. 2.
20. Фирсов С. Л. Рабочие и Православная церковь в России в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций, 1861 — февраль 1917 г. СПб., 1997.
21. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. Ед. хр. 42. Ч. 9. Т. 2.
22. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 117. Ед. хр. 42. Ч. 2.
23. ГАРФ. Ф. Р-6935. Оп. 3. Ед. хр. 215.
24. Савинова Н. В. Антинемецкие настроения населения Российской империи в 1914–1917 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2007. Вып. 2.
25. Санкт-Петербург. Петербург. Ленинград: энциклопедический справочник. М., 1992.
26. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123. Ед. хр. 61. Ч. 2. Т. 2.
27. Москва: энциклопедия / гл. ред. А. Л. Нарочницкий. М., 1980.

English version

Political sympathies versus apoliticism: motives of strike activity among Moscow workers in 1905–1914

Tikhonov Ivan Pavlovich, postgraduate student, Russian State University for the Humanities

This article examines the manifestation of political attitudes among Moscow workers within the strike movement of 1905–1914. The author seeks to identify the relationship between strike activity and the political preferences of workers. The study draws on materials from the Department of Police for Moscow and the Moscow Province, as well as, to a lesser extent, for St. Petersburg. Based on extensive empirical evidence, the paper analyzes

the specificity of the strike movement in Moscow and the surrounding province, its degree of politicization, and the nature of the political demands expressed by strikers. The author concludes that the political activity of various parties had a limited influence on the nature of strikes within the proletarian milieu, which tended to adopt the tactics of strike struggle rather than the ideological programs of political parties.

Keywords: labor movement, strike, work stoppage, political attitudes, social democrats.